М.А. Косогорова
ИСАА МГУ/ ИЯз РАН, Москва

Особенности заимствований из языка хауса в язык пулар-фульфульде[1]

0. Язык пулар-фульфульде, также называемый фула, фуль и пёль, принадлежит к западно-атлантической семье, но частично распространен далеко за пределами её ареала. Этим язык обязан основному традиционному ремеслу его носителей, фульбе, – отгонному скотоводству. Благодаря такому образу жизни носителей, в настоящее время язык фула имеет уникальный, дисперсный, ацентрический ареал, расположенный на территории южнее Сахары от Сенегала до (по последним данным) Эфиопии и Сомали. Однако со временем фульбе осели на всей этой территории, неизбежно контактируя с местным населением в большей степени, чем раньше.

Язык хауса является крупнейшим языком чадской семьи. Он распространён на территории современных Нигерии, Камеруна, Нигера, Чада и Судана. Оседлые земледельцы и ремесленники хауса имели ограниченный контакт с кочевниками фульбе в средние века. Однако в середине XVII века, с началом джихада фульбе-мусульман и образованием империй фульбе, взаимовлияние языков усилилось, а с началом оседания фульбе на территориях, ранее занимаемых хауса, завоеванием городов-государств хауса Усманом дан Фодио и образованием на этих землях империй фульбе культурный контакт стал очень плотным.

На территории современных Нигерии и Камеруна, где основная часть населения примерно в равных пропорциях использует фульфульде и хауса, контактные явления между этими языками выражены особенно ярко. При этом потенциал лексики, заимствованной из хауса, таков, что даже в диалектах пулар-фульфульде, не имеющих прямого контакта с хауса, встречается заметное количество заимствований из этого языка.

1. В ходе исследования контактов языков пулар-фульфульде и хауса были поставлены три задачи: во-первых, определение семантических полей заимствованной лексики; во-вторых,

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

описание механизмов грамматической адаптации, используемых для лексики хауса; наконец, при анализе заимствований из хауса важна статистика транзита заимствований через контактные диалекты в диалекты пулар-фульфульде, не имеющие прямого контакта с языком хауса.

Для реализации этих задач был отобран материал, представляющий собой заимствованные из хауса лексемы разных диалектов: в исследовании использовались данные словаря контактного восточного диалекта джамааре (Камерун) [Noye 1989], словаря неконтактного западного диалекта фута-джаллон (Гвинея) [Zoubko 1996], а также материалы корпуса пулар фута-джаллон. Анализу, таким образом, подверглись 527 заимствованных лексем, из которых большая часть предсказуемо оказалась именными лексемами. Однако около десятой части заимствований представлено глагольными лексемами, а также служебными частями речи, экскламативами и наречиями.

2. Анализ семантических полей, которые образует лексика, заимствованная из хауса, являлся первостепенной задачей исследования. Все лексемы были распределены на группы согласно их первичному значению. Следует отметить, что некоторые лексемы собирались в группы достаточно условно, в то время как другие группы оказывались весьма объёмными и однородными по составу. Семантический анализ проводился на основе данных по диалекту фульфульде-джамааре, поскольку их объём значительно (и ожидаемо) превысил объём данных по диалекту фута-джаллон.

2.1. Наиболее объёмной группой оказалась группа «артефакты», включившая в себя около пятнадцати процентов всех лексем. Семантический состав группы неоднороден, грамматически лексемы попадали в разные именные классы. Такой результат ожидаем: заимствование названий неизвестных артефактов – это первый и основной этап проникновения лексики при контакте ареалов разных языков, поэтому и гипероним, и состав группы весьма условны. В примере (1) приведены некоторые лексемы из группы артефактов.

(1) garayƴaaru NDU[2] ‘вид мандолины с 2 или 3 струнами’;
kuŋkuruŋ NGU ‘инструмент из двух тамбуринов в металлической миске’;
buudiiho KO ‘сено’;
diga NGA ‘мотыга’;
deerto NGA ‘напильник’;
asalwo NGO ‘браслет, который носят на бицепсе’.

2.2. Семантическое поле **«одежда и ткани»** занимает второе место по объёму входящей в него заимствованной лексики – чуть меньше десяти процентов всех заимствований. Оно довольно однородно по составу: в группу входят наименования одежды, названия тканей, типы нитей, краски для ткани и кожи и прочая лексика, связанная с ткачеством, портняжным и кожевенным производством. Исторически представители народа хауса, помимо земледелия, владели ремёслами, в том числе и ткачеством, и кожевенным делом. Осев, фульбе, которые не имели опыта в аналогичных ремёслах, неизбежно заимствовали эту часть лексики. Небольшая часть этой группы представлена в примере (2).

(2) girkeere NDE ‘халат без рукавов’;
saajibiire NDE ‘рубашка с длинными рукавами’;
kirtaani NDI ‘плетёная нить’;
buge ƊE ‘голубая краска для ткани’;
adikko NGEL ‘головной платок’;
kuloogu NGA ‘чёрная краска, используемая в сафьянном производстве’.

2.3. Примерно такой же объём имеет группа **«машины»**, которая включает в себя лексику, обозначающую нетрадиционную технику, введённую в обиход во время колониального раздела Африки, когда хауса несколько опередили фульбе по социальному положению, и хотя большая часть заимствований не является исконной лексикой хауса, в фульфульде они пришли через этот язык. Некоторые примеры этой группы можно увидеть в (3).

---

[2] При каждом существительном указано принятое в фуланистике название именного класса, к которому оно относится.

(3) katarko NGA ‘водобой’;
aroogo NGEL ‘будильник’;
keeke NGA ‘швейная машина’;
baskur NGEL ‘велосипед’.

2.4. Все уже перечисленные группы заимствований включали в себя исключительно существительные. Следующую же, немного менее объёмную группу (около восьми процентов всей лексики) образуют наречия, идеофоны, **речевые маркеры** и эксклaмативы. Эти части речи в языках мира редко представлены заимствованиями; такое положение в диалекте фульфульде-джамааре нестандартно. Возможным объяснением этому явлению является изменение языкового престижа фульфульде по отношению к хауса, которое повлекло за собой вытеснение исконно фульской лексики в этом сегменте. Группа неоднородна с точки зрения частей речи, но весьма однородна по составу, см. пример (4).

(4) deydey ‘точно, именно’;
cik ‘полностью’;
waanee ‘восклицание протеста’;
babaasi ‘всё, конец’;
habaa ‘ой (удивление)’.

2.5. Следующая группа, хоть и значительна по объёму – в неё входит почти восемь процентов от всей лексики – но неоднородна с точки зрения семантики. В неё входят **состояния**, которые в пулар-фульфульде обычно представлены глаголами. О механизмах адаптации глаголов в систему пулар-фульфульде см. следующий раздел.

(5) algas ‘зелёный, голубо-зелёный’;
kooree ‘блестяще-чёрный’;
ruwan-gooro ‘жёлто-оранжевый цвет’;
kaasgo ‘быть очень усталым’;
kolo ‘способ игры на тамбурине’;
hasgo ‘разделать для продажи, фасовать’.

2.6. Группа, включающая в себя имена традиционной **титулатуры** хауса, включает в себя около пяти процентов всех

заимствований, хотя, согласно [Girei 2009: 137], титулатура в обществе хауса играет важную роль, и количество заимствований этой лексики в фульфульде достаточно высоко. Впрочем, отметим, что работа [Girei 2009] описывает ситуацию в диалекте фульфульде-адамауа, который, хотя и близок к фульфульде-джамааре, но всё же имеет некоторые отличия. Группа ожидаемо однородна с грамматической точки зрения, так как при адаптации лексем в систему именных классов, названия людей попадают в общий класс людей. Примеры лексики этой группы приведены в (6).

(6) yeriima O ‘сын вождя’;
magaajiijo O ‘советник правителя’;
caamki O ‘начальник рабов, ухаживающих за лошадьми’;
jikaataajo O ‘доверенное лицо вождя’;
galdiima O ‘сановник при султане’.

2.7. Закрепление фульбе на земле привело к возникновению в их жизни объектов и явлений, которые повлекли за собой заимствование их наименований из языка хауса. Такие лексемы входят в следующие, не очень многочисленные, но семантически однородные группы, включающие в себя от четырёх до пяти процентов всех лексем. Речь идёт таких группах как «сладости», «растения», «беды» (за неимением лучшего гиперонима), «животные», «еда и питьё», «интерьер», «клички и профессии» (примеры (7a)-(7g) соответственно).

(7) **(a) Сладости**
abaakuru NGEL ‘лепёшка из арахиса, жаренная в масле’;
naakiyaari NDI ‘галета из муки сорго с мёдом и маслом’;
aleewa NGA ‘длинная лёгкая булочка’;
dakuwa NGA ‘блюдо из толчёного проса с сахаром и водой’;
fuura NGA ‘шарики из проса, обвалянные в муке’;
(b) Растения
ganyi KI ‘ним’ *Azadirachta indica;*
reke NGAL ‘сахарный тростник’ *Saccharum officinarum, Linn.*;
kudakuure NDE ‘сладкий картофель’ *Ipomea Batatas, Poir.*;
iiwaare NDE ‘злак, растущий в болотистой местности’ *Jardinea Congoensis, Franch.*;
(c) Беды
daakaare NDE ‘человек лёгких нравов, дебошир’;

kuturuujo O ‘прокажённый’;
rigima KA ‘подделка’;
jawarjo O ‘распутник’;
caca O ‘азартная игра’;
(d) Животные
tolotolo NGA ‘индюк’;
kurkutu NGEL ‘муравьиный лев’;
awraare NDE ‘осёл с рыжей шкурой’;
amaalewa NGA ‘верблюд-самец’;
(e) Еда и питьё
kindirmu ƊAM ‘холодное молоко’;
ndagasi ƊAM ‘молозиво’;
gaari NDI ‘мучная похлёбка’;
sittaare NDE ‘перец’;
(f) Интерьер
dagaliire NDE ‘место для сидения из глины’;
laabule NGA ‘занавеска на входе’;
dampaaniwol NGOL ‘изгородь из соломы, окружающая усадьбу’;
soorowol NGOL ‘прямоугольный дом из нескольких комнат’;
(g) Клички и профессии
baangiijo O ‘холостяк’;
wambay ‘прозвище человека, которого зовут Мамуду’;
zagiijo O ‘валет, тот, кто ведёт лошадь правителя при переходах’;
wanjamjo O ‘цирюльник’.

2.8. Этнокультурные причины, повлёкшие за собой образование группы заимствований с общим семантическим значением «одежда и ткани» описаны в п.2.3; аналогичными причинами обусловлено формирование группы заимствований **«тара»**, включающей в себя незначительное, но семантически однородное число заимствований. В группу входят вместилища предметов, чаще всего металлические, однако бывают исключения. Некоторые примеры из этой группы приведены в (8)

(8) addilaare NDE ‘корзина для переноски предметов’;
tanagaaru NDU ‘металлический бидон’;
buhuure NDE ‘мешок’;
daaro NGO ‘большой таз’.

2.9. Наконец, оставшиеся заимствования можно объединить под условным гиперонимом «**административные явления**». Группа насчитывает 23 заимствования, некоторые из которых приведены в примере (9). Причины, вызвавшие заимствование лексем этой группы, можно, вслед за [Girei 2009] охарактеризовать как «социолингвистическая необходимость».

(9) terere NDE ‘коммерция’;
baariki NGA ‘административный офис’;
dooka KA ‘полицейская операция’;
garaama KA ‘подушный налог’.

3. Процесс адаптации заимствований в язык фула состоит из фонетической и грамматической адаптации. Фонетическая адаптация из тонального языка хауса в язык пулар-фульфульде, который различает долготу гласных, но не использует тоны, представляет отдельный интерес, но описан в литературе, в частности [Girei 2009], так что в настоящей работе рассматриваться не будет. Процесс же грамматической адаптации заимствований можно разделить на два практически независимых явления: интродукция заимствований в систему именных классов и интродукция глагольных лексем в трёхзалоговую систему.

3.1. При адаптации глаголов по залогам в активный залог (*deertugo* ‘подпиливать’ (Act)) попало около трёх четвёртых изо всех глагольных заимствований, остальные же попали в медиальный залог (*awnago* ‘взвешивать’ (Md)). Существует наблюдение [Arnott 1956: 142], что многие непроизводно-медиальные глаголы в пулар-фульфульде являются в оригинале заимствованиями, однако они уже адаптированы в глагольную систему, с трудом поддаются вычленению и не фигурируют в данном исследовании.

3.2. Что касается адаптации именной лексики, механизм распределения подробно обсуждался в работах [Коваль 1998] и [Косогорова 2014] для всех источников заимствований. Для заимствований из хауса, однако, следует сделать несколько замечаний к общефульской стратегии адаптации.

Во-первых, семантический принцип распределения новой лексики по именным классам является превалирующим для языка хауса, который, хоть и не является близкородственным к пулар-

фульфульде, но не требует сильных фонетических и структурных изменений. Существует одно исключение: существительные, классифицированные по классу KA попали туда, скорее всего, по **формально-фонетическому**, а не по семантическому принципу (*calka* KA ‘туалет’; *daama* KA ‘выздоровление’).

Особо стоит отметить безупречное действие **семантического** принципа адаптации заимствований в следующие классы.

– Все существительные, обозначающие людей, попали в сингулярно-личный класс O, при этом множественное число они образуют по нестандартной схеме класса ƁE <Sg+’en> (*amuraajo* O - *amuraa’en* ƁE ‘бандит с большой дороги’).

– Существительные, обозначающие жидкости, были классифицированы в именной класс ƊAM (*baaraasa* ƊAM ‘алкоголь’).

– Существительные pluralia tantum попали в именной класс ƊE (*kare* ƊE ‘товары’), при наличии и другого немаркированного плюрального именного класса ƊI.

– Весьма многочисленна группа существительных, попавших в класс NDE. Они оформлены аффиксом класса и классифицированы по семантическому принципу (поля «животные» – *alfadariire* NDE ‘мул’; «часть от целого» – *atarasre* NDE ‘красный орех кола’; «домашняя утварь» – *borgoore* NDE ‘тканое покрывало’; «отглагольное имя» – *massallaare* NDE ‘место для молитвы’).

– Лексика, попавшая в класс NGOL, классифицирована по семантическому признаку «тонко-длинный предмет» (*mabaraswol* NGOL ‘белый тюрбан’). Таких лексем насчитывается не более 20.

– Класс NGEL насчитывает около 30 заимствований с общим значением диминутива. При этом плюральные формы от части заимствований образуются по немаркированному плюральному классу ƊI , указывая на исконность диминутива (*kurkutu* NGEL – *kurkuti* ƊI ‘муравьиный лев’), а от других— по диминутивно-плюральному классу KON, указывая на диминутивный дериват (*yeriyel* NGEL – *yerihon* KON ‘серьга кольцом’).

– Прочие классы (KI, KO, NDI, NDU, NGU, NGO и NGAL), насчитывающие от 5 до 20 заимствований каждый, более

разнородны в семантическом плане, однако лексические данные также указывают на семантический принцип классификации.

Формально-грамматическая стратегия адаптации заимствований (стратегия «свалочного класса») используется в меньшей степени, нежели семантическая, однако согласно ей были адаптированы около трети неличных заимствований. В диалекте фульфульде-джамааре в роли «свалочного» класса – приёмника неадаптирвоанных заимствований выступает класс NGA (*galma* NGA – *galmaaji* DI ‘мотыга с двойным наконечником’).

Что касается образования плюральных форм, то здесь (за исключением класса NGEL), заимствованная лексика полностью адаптирована в классную систему. Полученные данные однозначно указывают на каноничность выбора плюрального класса для каждого из сингулярных.

При грамматической адаптации существительных система анлаутного чередования, безошибочно функционирующая в исконной лексике рассматриваемого восточного диалекта фульфульде, не используется. Это не является исключительной особенностью заимствований из языка хауса; если заимствованное существительное адаптирует свой анлаут в соответствии с системой классного циркумфикса, его можно с уверенностью назвать полностью адаптировавшимся в систему языка.

4. В заключение приведём результаты анализа данных другого диалекта пулар-фульфульде – западного диалекта пулар-фута-джаллон, не имеющего прямого контакта с хауса и получающего заимствования через другие диалекты. Таких заимствований оказалось чуть более шестидесяти. Лексемы, заимствованные в диалект фута-джаллон, составляют подмножество лексем, заимствованных в диалект фульфульде-джамааре. Таким образом, при распространении заимствованной лексики через контактные диалекты в неконтактные отсеивается более восьмидесяти процентов заимствований. Заимствования «из соображений престижа» при отсутствии контакта не имеют более социолингвистической базы, а при заимствовании лексики культурного порядка выбирается другой язык-донор, из числа контактных.

И наконец, отметим, что заимствования, не имеющие синонимов среди исконно фульской лексики, составили чуть

более трети, что демонстрирует скорее социальные, нежели культурные различия между этносами фульбе и хауса на контактной территории.

Литература

1. Коваль А.И. Маршруты интродукции заимствований в классную систему // Африка: общества, культуры, языки. Под ред. Следзевского И.В., Бондаренко Д.М. М., 1998.

2. Косогорова М.А. Имена существительные, заимствованные в язык пулар, и возможность их автоматической обработки // Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции. СПб., Издательство “Студия НП-Принт”, 2014.

3. Arnott D.W. The middle voice in Fula. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, XVIII, 1. London, 1956.

4. Girei A. U. Hausa loanwords in Adamawa Fulfulde: A question of prestige or sociolinguistic necessity. // When Languages Meet. Language Contact and Change in West Africa. Köln, Rüdiger Köppe Verlag, 2009.

5. Noye D. Dictionnaire foulfouldé-français, dialecte peul du Diamaré du Nord-Cameroun. Paris, Librarie Orientaliste, 1989.

6. Zoubko G. Dictionnaire peul-français. Osaka, National museum of Ethnology, 1996.

Резюме

В статье рассматривается синхронная ситуация с заимствованиями из языка хауса (чадская семья) в язык пулар-фульфульде (фула, западно-атлантическая семья). Основной контакт этих языков происходит на территории современной Нигерии. Заимствования были проанализированы с точки зрения их семантики и грамматической адаптации в систему языка пулар-фульфульде. Кроме того, было проведено сравнение списка заимствований в диалект, контактирующий с хауса практически напрямую, и в диалект, не имеющий прямых контактов с языком хауса.

Ключевые слова: *язык фула, язык хауса, заимствования, именной класс, морфология, семантика, языковые контакты.*

Summary

The article discusses the synchronic contact situation between Pular-Fulfulde (or Fula) language (Atlantic family) and Hausa language (Chadic

family). The main contact area for these two languages is located on the territory of modern Nigeria. The adopted lexemes are analyzed from the semantic and grammatical points of view, including the loaning fields and the loanword adaptation into the Pular-Fulfulde complex morphology. Additional attention is paid to the difference in data from different dialects: one is in direct contact with Hausa and the other is not.

Keywords: *Fula language, Hausa language, Loanwords, Noun class, Morphology, Semantics, Language contacts.*